

Ольга Карклин

КАТУЛЛ И КЛОДИЯ

Римское небо

Ольга Карклин
Катулл и Клодия. Римское небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24256854

ISBN 9785448526244

Аннотация

О чем писал древнеримский поэт Катулл? Кого он любил? Кто любил его? Что вообще такое – поэзия, любовь, мир, Рим? Сколько радости и сколько горя переживает человек античности. И какова природа человека? Не та же ли самая в любое время? Роман о любви Катулла, родоначальника европейской лирики, и Клодии Пульхры, загадочной римской патрицианки.

Содержание

Катулл и Клодия	5
Предисловие	6
Экспозиция	8
Глава 1. Корнелий Непот	19
Глава 2. Клодия. Хрустальный шар	23
Глава 3. Воробей	32
Глава 4. Интерлюдия	35
Глава 5. Лодка	38
Глава 6. Встреча	41
Глава 7. Флавий	44
Глава 8. Ночной Рим	46
Глава 9. Пустыня	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Катулл и Клодия Римское небо

Ольга Карклин

© Ольга Карклин, 2024

ISBN 978-5-4485-2624-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ольга Карклин

Катулл и Клодия

Римское небо

Предисловие

Вопрос не только в том, как относились в Риме к Катуллу и его поэзии при его жизни, от которой теперь остались только копии копий единственной книги Катулла Веронского «Кармина» и его личная история, ставшая почти мифом, но ЧТО значит его поэзия сегодня?

Впрочем, в ней нет ничего застывшего: поэзия Катулла, как и кристалл его жизни – скользит в Пространстве-Времени, виртуальном пространстве вечности, искусства, поэзии, философии, истории, жизни.

То, что она живет и живая не подлежит никакому сомнению.

Но как это может рассматриваться, пониматься, создаваться, интерпретироваться в период завершения прежней системы вещей?

Вопрос в том, как относиться к Катуллу и его поэзии сегодня?

В 1300 году в библиотеке Веронского монастыря монахами этого же монастыря была обнаружена старинная рукопись на латыни, книга Катулла Веронского «Carmina», посвященная Корнелию Непоту и некой Деве Покровительнице.

С этой рукописи, впоследствии утраченной, были сделаны две копии, от которых, в свою очередь, произошли мно-

гочисленные изводы 15 в.

Если бы не эта счастливая случайность, поэзия Катулла осталась бы неизвестной современному миру.

К моменту обнаружения рукописи прошло 68 лет после введения папой Григорием IX постоянно действующей Инквизиции из судей монахов для борьбы с еретическими движениями отступников от официальной христианской доктрины.

Можно предположить что те, кто хранили этот свиток все эти годы и дальше, не раз рисковали своими жизнями.

Именно с обнаружения этого свитка и началась вторая жизнь поэзии Катулла.

Катулл снова вернулся в мир. Таинственная Дева все же позаботилась о нем. И Божество небес, к которому обращался поэт в своей книге, действительно покровительствовало Катуллу.

Катулл возвращается из забвения.

Экспозиция

Прямо в тот же день, когда я собралась, наконец, опубликовать эту книгу в окончательной редакции, вдруг случайно обнаружила книгу Марио Раписарди «Катулл и Лесбия» на итальянском языке.

Что ж, я прочла и перевела ее.

Марио Раписарди – переводчик, поэт, философ, писатель, профессор итальянской и латинской литературы, жил в 19 веке.

Читая эту книгу, я изумилась: можно было бы сказать, что в каком-то смысле она явилась зеркальным отражением моей книги, с той лишь разницей, что у меня фокус внимания сосредоточен на самих героях, а у него – на окружающей их обстановке: политике, экономике, социуме, укладе, морали и т. д. и т. п.

В остальном же его книга показалась мне близнецом моей в некотором смысле, за двумя исключениями.

Однако эта книга была написана в 1875 году!

Так давно, с таким интервалом во времени!

И вот, я беру на себя смелость процитировать некоторые моменты из нее как экспозицию к истории в моей книге:

«Если судить внешне, Римская республика не могла быть ни мощнее, ни ужаснее. Покорив весь Италийский полуостров, укротила, если вообще не подчинила полностью Испа-

нию; поработила Грецию и трансальпийскую Галлию; проникла в Африку до Гетулии, в Азию до долин Фасиса и южных склонов Кавказа; покорила Сирию, Палестину, все побережье Средиземного моря, за исключением Египта, Рим еще не насытился столькими завоеваниями; он опасается, подобно Александру, что земля слишком тесна для его побед; хотя война, уже ставшая инстинктом, обратилась в привычку и необходимость. Юлий Цезарь приходит, сеет раздор среди галлов, останавливает нашествие гельветов, обезоруживает Ариовиста; проходит триумфально среди льдов Гибернии, лесов и болот Сабины, руин и пламени готов, не без храбрости захватывает, полностью пленяет спорные британские берега, бросая вызов священным рощам друидов, попирая их таинственные святыни, собрав над их неукротимыми главами более страшные бури, чем те, которые девять Дев Саина умели успокаивать и отдалять громовыми и пугающими звуками своих варварских сistr.

Блеск военной жизни не мог не отбросить яркий ответ на гражданскую жизнь Рима: сорок пылающих огней вокруг Цезаря во время его самого прославленного триумфа наверняка чего-то стоили. Народ ликовал, радуясь величественному зрелищу с таким количеством огней, со столькими слонами, столькими шестами, нагруженными вражеской добычей, такому количеству легионов, такому количеству трофеев; три превосходных слова: *veni, vidi, vici*, (пришел, увидел, победил), записанные на табличке и с большой помпой проне-

сенные перед триумфатором Понта, они напоминали трезубец Гомеровского Нептуна, эффектно воспроизводя поразительную быстроту этих побед.

Среди молений, триумфов, игр и зрелищ внезапно забылись недавние ужасы гражданской войны, проскрипции Суллы, злоупотребления нобилей, коррупция всадников (военных), опасное угнетение провинций, гордые попытки Спартака и Катилины; можно было бы сказать, что крик восьмисот городов, завоеванных Цезарем в Галлии, оглушил и опьянил великую тиранию мира, пока она просыпалась под стоны миллиона пленных с таким же количеством останков убитых, которые, постепенно пробираясь и объединяясь, с каждым днем все ближе и теснее окружали ее, чтобы через четыре столетия обрушиться, растерзать, свирепо оскорбить ее величественное мертвое тело.

Давайте немного заострим взгляд, пройдем за пределы этого великолепия, проникнем сквозь этот глянцевый покров.

Ту кровавую ярость, которую использовали этруски для разрушения Рима, Цезарь использовал для покорения Галлии, Августу пришлось применить ее для упрочения империи, по городу безумно течет раздор, разъединяющий души и губящий государство; он нарушает всякий порядок законов и идей, искажает все основания вещей, возбуждает зависть, разжигает соперничество, распаляет старую ненависть и новые амбиции, волнует сильных, подстрекает сла-

бых, высвобождает храбрых, беспокоит и развращает всех. С одной стороны, чрезвычайно богатая, праздная, высокомерная аристократия; с другой стороны наглый, самонадеянный, продажный плебс. Собственность, сконцентрированная в руках немногих, богатство, плохо распределенное, *ingens cupido agros continuandi* (жадность владельцев, которые только и мечтали расширить свои поля), как определяет это Ливий, обработка земли, возложенная на рабов, постепенно разрушает этот средний класс, необходимое звено, соединяющее крайности, которое и дало империю Риму и миру. Аграрный закон всегда здесь, окрашенный кровью Гракхов, опасный и ужасный между двумя сторонами, страх богатых, надежда бедных, маска амбициозных, гибель республики.

Известная борьба между патрициями и плебеями, в которой величие цели делает средства приемлемыми, перерастает в мелкие войны дрязг, ловушек, недостойных и вульгарных личностей; гражданин занимает место государства, партия занимает место закона; лицензия, а не свобода; не открытые битвы свободных людей, а сплетни и репрессии над рабами; сила оружия и денег превыше всего: моральная и политическая анархия.

Правительство Рима было полностью муниципальным, созданным для города, а не для империи; суверенитет народа не выходил за повседневные рамки; вся свобода в центре, тирания вокруг; там чрезвычайно свободные, здесь чрезмер-

но рабы. Великие завоевания требовали великих реформ; на них никогда не решаются: Римская республика имела слабость к старым традициям, *laudatores temporis acti* (восхваляла древность); прошлое было ее идеалом; она хотела жить как древние, *more majorum* (в духе прошлого).

Катон был прошлым; Цезарь – будущим.

Он предоставил союзникам гражданское право, но он ранил в сердце аристократию, которая видела, как он спешил передать все привилегии; Сенат, которого он наделил властью; народ, которому стали невозможны митинги: итальянцев, побеждавших на поле с оружием, побеждают голосованием в городе. Ответственность магистратов уменьшилась в следствии расширения завоеваний; магистратуры Империи были расширены: для трибунов, чтобы они могли лучше сопротивляться и больше злить дворянство; для консулов с неправильным пониманием рвения к общественной пользе; наделены всеми полномочиями губернаторы, простые магистраты в Риме, до неприличия взлетели магистраты в провинциях. Из этого четыре зла: дублирование и ограниченные возможности на постах у немногих; власть проконсулов и преторов; угнетение и недовольство провинциалов; коррупция армии, ставшей рабом ремесла и партизаном у того, кто командовал.

Сенат лишается всякой власти; он подчиняется силе оружия или силе устрашения. Посягает немного на эту вырождающуюся расу богатых, приходит в ярость от сотрясений

и разбойников, которые не довольствуются тем, что разрушают в подчиненных провинциях, маскируются в Риме, покупают души других, чтобы продать свою собственную. В свою очередь ограничивают законы Гракхов, развращают трибунов, уверяют в собственном благородстве, подкупают общественность, льстят народу и держат в страхе; мешают всякой власти, забирают все в несколько рук. Продажность магистратов, торговля правосудием, беззаконие судов выходят за все рамки и все вместе ужасны. Единолично фракции правят, дают, отнимают, интригуют и угнетают невиновных, возносят к почестям только своих: кто не от них, тот против них. Нет скандала, бунтарства, злодеяний, на которые не пошли бы для засады на магистратов, для обвинений и для рангов, купленных ценой позора власти, ценой позора державы; злодеи в засаде, злодеи в нападениях. У них есть два инструмента, чтобы устоять: лжесвидетели с одной стороны, гладиаторы с другой. Ложная клятва стала ремеслом, и, имея дело с коррупцией того времени, мы также можем сказать, что это почетное ремесло: они честно лжесвидетельствовали: клятва была товаром; души публично продаются обманом; Англия, мать торговли, явилась дочерью в этом Риме.

Когда лжесвидетельств, моральных убийств было недостаточно, они прибегали к ножу гладиаторов: это было более успешным средством. Эта порода злодеев, убойное мясо, отходы галер, экскременты провинций, хлынула в Рим, стала канализацией мира; и, призванная защищать, сама не могла

не быть защищена. Она распродает свои услуги по самой высокой цене; Клодию, например, и Милону, двоим сразу; она безнаказанно тратит на всякую дерзость, на всякую выгоду, на каждое преступление; она использует скандалы и шум для всего, что только находит; она оставляет следы крови на каждом пути; она повсюду распространяет ужас. Стоит Помпею начать с трибуны говорить в пользу Милона? Партизаны Клодия освистывают его, оскорбляют, унижают. Разве Катон не был в презрении, не был ранен? Люди Помпея и Красса ранили его. Позор Клодию, третьей жене Цезаря? Есть женщины и отряды для защиты. Что еще? Город, Сенат, закон, собственность и? и жизнь лучших граждан в их руках.

Нельзя хорошо понять и изучить положение женщины в римском обществе, не помня, что брак не был у римлян главными семейными узами.

В Риме закон господствует над всем; он занимает место природы; брак – это всего лишь средство передачи граждан государству; семья есть творение гражданского права; узы власти предшествуют узам крови.

Paterfamilias (отец семейства) – вся семья: отец, глава, абсолютный господин, единоличный хозяин всего; остальные – не что иное как представители, средства, анонимные орудия его воли, пустые маски без прав; персонажи, но не персоны. Госпожа на самом деле не дама, а *foemina* (женщина), от бедер, от тех частей, где пол отличает ее от мужчины.

Это законная собственность его сына, ничто другое: вещи можно покупать, продавать, приобретать и использовать.

Брак есть не что иное, как *conjunctio maris et fœminae*; не соединение двух душ, но двух полов; персональная связь — не цель, а средство. Женщина — собственность, которая переходит из рук отца или опекуна в руки мужа; она становится *sui juris* (своей юридически), но как бы в насмешку; она остается всегда под подозрением, под вечным надзором; она не имеет никакой власти над своими детьми, не имеет никаких прав; она — начало и конец своей семьи: *familiæ suæ et caput et finis*, как говорит Ульпиан. Захочет ли она перейти во власть кого-то другого? Опекун помешает ей. Повесть ли ей получить наследство? Закон Вокония ограничит ее тут же. Пожелает ли она принять участие в коммерческом или промышленном предприятии? У нее нет прав. Подпадает ли она под подозрение мужа или раздражает его? Домашний суд выносит ей приговор и осуждает ее. Он может дать власть членам семьи убить ее. Ей хорошо в собраниях, она щеголяет в украшениях, пытается чем-либо заполнить ужасную пустоту своей жизни? Закон Оппия поднимает свой отвратительный голос; старый Катон кричит на площадях; добавляет оскорбления к запрету. Неукротимое животное! Не только притесняет дам, но и презирает: слабость женщин, величие мужчин! Священные выражения в прямом смысле. Презрение — самый жестокий нож, которым можно ранить женщину. Угнетайте ее сколько хотите, она выдер-

жит: терпение – великая добродетель женщины; страдая, она побеждает. Посмейся над ней, если сможешь; она прыгнет тебе на горло как тигр. В сердце женщины всегда есть надежда, которая ей улыбается, воспоминания, которые ее утешают, вера, которая ее успокаивает, энтузиазм, который ее возвышает. Влелейте эти нежные цветы ее души и сделаете ее ангелом; заморозь ее дыханием своего презрения, и сделаешь из нее демона. Образовывайте и наставляйте женщину, и у вас будет самая лучшая, самая послушная и самая преданная спутница в вашей жизни; отдай ее предрассудкам и невежеству, и у тебя будет обидчивая и мятежная рабыня.

Только образование и обучение могут поднять достоинство римской женщины, варварски попираемой законом. Но какое образование и воспитание она получила?

В Риме, как и в Спарте, образование имело одну особенность: оно было направлено не на развитие и изменение естественных сердечных привязанностей, а на противодействие им, на их полное удушение, чтобы затем создать другие, более или менее искусственные и фальшивые. Отец, который убивает своего сына-победителя за то, что тот осмелился победить без его команды, – герой; мать, которая вручает своему сыну кинжал, чтобы он спасся смертью от врагов, – идеал матери. В Риме, позвольте мне сказать, гражданин не рождается от человека; нельзя быть одновременно человеком и гражданином; чтобы родился гражданин, человек должен убить себя. Законодательство и философия главным обра-

зом склонялись к этому; одна из главных причин упадка Рима – это принудительное и фиктивное воспитание, построенное не на фундаменте, а на руинах человеческой природы. Мягкость, сдержанность, нечто нежное и нерешительное, что по существу отличает женщин и составляет самое прекрасное дарование наших молодых девушек, не принималось во внимание римлянами.

Идеал только в силе. Чем больше девушка проявляла мужское начало, тем больше она заслуживала восхищения и привязанности.

Пение, танцы, музыка – все те искусства, которые считались недостойными суровых мужчин – были в равной степени запрещены женщинам.

Это общее воспитание неизбежно произвело два зла: оно разрушило в женщине то сокровище грации и нежности, которое дала ей природа; чувство равенства с противоположным полом у нее развилось в высшей степени.

Но разве женщины в Риме когда-либо играли активную и важную роль во времена Республики?

Какой авторитет они могли иметь в семье, если их приравнивали к вещам для обслуживания вместе с домом, полем и домашними животными? Какую роль в общественных делах играли те, кого обвиняли в любопытстве, едва они хотели узнать, какие законы обсуждаются в сенате и какие волнения сотрясают форум?

Римские женщины находились в очень тяжелом положе-

нии. С одной стороны, образование, ставившее их в один ряд с мужчинами; с другой стороны, жестокое законодательство, обращавшееся с ними как с собственностью. Разлад был неизбежен».

Марио Раписарди «Катулл и Лесбия». Перевод Ольги Карклин. (с)

Глава 1. Корнелий Непот

Ранним весенним утром 64 года до Рождества Христова, в год *Lucio Caesare et Gaio Figulo consulibus* по весенним гулким улицам утреннего Рима прокатилась скромная повозка, в которой находились всего двое – молодой человек и его пожилой слуга.

Остановившись возле небольшой таверны, молодой человек вошел в гулкое темное прохладное помещение, с трудом дозвался заспанного хозяина, и, узнав, где лучше снять жилье, вышел на улицу.

Прозрачный нежный воздух, напоенный цветущими ароматами новой листвы, весенний, солнечный, легкий, пьянил и бодрил одновременно.

Каменная кладка тротуара, высокие дома, колонны, арки, портики, ставни, жалюзи, окна, задрапированные красивыми тканями, укрывали, прятали неведомую жизнь. Жизнь, в которой удивительные, прекрасные и свободные люди завтракали, нежно и значительно улыбаясь друг другу, скрытые от посторонних взглядов, но, безусловно, являясь душой и пульсом этого величественного Города. Ему казалось, что он непременно с ними встретится, узнает их...

Молодой человек сел в повозку, и через некоторое время они остановились возле высокого нового дома, построенного из кирпича и бетона, оштукатуренного, украшенного кое-

где лепниной, дома без архитектуры, но зато с остекленными окнами, высотой в пять этажей, что впечатляло и одновременно устрашало: землетрясения в Риме были печально известны.

Сумма, которую арендатор назначил за квартиру, показалась огромной. Но, с другой стороны, жилище находилось почти в центре, на относительно тихой улице, и по уверению хозяина, в наиболее спокойном районе. Также близость таверны, рынка и храмов...

Небольшая квартирка с отдельным входом сияла в нежном солнце: ванная комната, где можно было мыться, стирать, водопровод: холодная и теплая вода в кранах, кухня с компактной печкой, просторная столовая, две спальни, небольшие жаровни...

Новые хозяева всей этой солнечной роскоши приняли, не спеша, распаковывать вещи. Хотя, по сравнению с виллой, которую они покинули недавно...

Нужно было приобрести самое необходимое – мебель, продукты, книги...

Молодой человек вышел на улицу и со странной уверенностью, словно он уже и знал всю географию города, миновал Бычий Форум, колонны храмов. Люди охотно подсказали ему нужные лавки, и, проходя, сквозь прибывающие волны людей, сквозь все растущую толпу горожан, он не без труда вышел к рынку. Ему нужно было найти мастерские, торгующие необходимыми ему вещами. Нашел. Сделал заказ,

указал свой адрес для доставки, расплатился.

Солнце уже поднялось над головой, а это означало – полдень, и жара навалилась на город плотно и тяжело.

Молодой человек остановился у живописного дома, постучал в блестящую темную дверь. Ему отворил сам хозяин – Корнелий Непот, улыбающийся, веселый с блестящими глазами и легкими движениями...

– Катулл! Валерий! Ты!

Катулл почувствовал одновременно легкость и скованность, словно комок подступил к горлу, и он ничего не ответил, да, впрочем, они уже шли сквозь нежную прохладу дома, сквозь внутренний дворик, наконец достигли покоев Корнелия – прохладный зал с задрапированными окнами, сквозь которые мягко пробивался свет.

Стол, заваленный свитками книг, книжные шкафы, наполненные исписанными рулонами, небольшие статуэтки богов и богинь, мифических животных, критская керамика, коринфская бронза... чего только не было в этой обители Муз...

– Рассказывай, что, как? – нетерпеливо приступил Корнелий к расспросам.

– Приехал.

– Как дома?

– Хорошо. Отец надеется на щедрый урожай, сестра выросла, почти невеста, брат весел, мать здорова...

– Да. Веронский виноград, – мечтательно произнес Кор-

нелий. – А мои как?

– Отлично! Вот, просили тебе передать, – и он протянул Корнелию небольшое письмо, а также мешочек, доверху наполненный сестерциями.

Пока Корнелий читал, Катулл подошел к окну и, отодвинув портьеру, выглянул в окно. За окном рос сад, и в солнечной зелени весенних деревьев цвел розовыми, белыми, сиреневыми, огненными всполохами. Сад дышал. Небо глядело в душу. Небо сияло сквозь легкие облака, сквозь ветви цветущих деревьев.

Он уже знал этот особый покой, вселяющий уверенность и силу, запредельный, особый... Он чувствовал, когда Небо с ним разговаривало. Он различал этот язык, любил его.

Корнелий окликнул Катулла, вывел его из особого состояния силы, в руках Корнелия плескалось темное маслянистое вино в бокале, он плеснул в другой бокал Катуллу...

– За встречу, друг! Будем здоровы!

– Сперва тебе нужно встретиться с нашими, это отличные поэты-неотерики, мы представляем здесь в Риме Александрийскую школу...

– Я перевожу Каллимаха...

– Не сомневаюсь в тебе. Ты ведь не перестал писать свои ямбы?

– Я бы сказал, наоборот....

– Уверен, в Риме тебя оценят!

Глава 2. Клодия. Хрустальный шар

В 60 год до Рождества Христова в год консульства Квинта Цецилия Метелла Целера.

Среди молодых поэтов Рима, блиставших красотой, юностью, остроумием, изысканно или подчеркнуто скромно одетых, похожих на рой ангелов с выбившимися как бы нечаянно, кудрями, акцентированно длинными локонами в пикку нынешней римской моде на короткие стрижки, с архаичными прическами, почти женственными ухоженными руками, унизированными восточными перстнями с тайными, эзотерическими значениями, Катулл был похож на воробья.

Все древнее и таинственное имело особенное значение в этом кружке молодых талантов, как, впрочем, и все новое.

Среди молодых поэтов Рима Катулл выделялся своей обычностью, какой-то безыскусной простотой, как бы отказом от любой игры.

Казалось, Катулл и не заботился вовсе ни о своей красоте, ни о красоте своих ямбов.

Но странное дело, он умел каким-то образом превращать все в фон, на котором он сиял. Он умел жить так, что все подчеркивало его – обычного человека.

И эта его обычность, простота и почти дерзкая безыскусность, наряду с какой-то невероятной фанатичной приверженностью к истинному, и создавало ему тот особый ореол,

в котором сияла его необыкновенная слава – обычного человека, поэта обычной жизни.

Но ему было невозможно не верить. В нем убеждало все.

Его меткие эпиграммы, короткие и едкие, были уже хорошо известны в Риме. Их цитировали, учили наизусть. Небольшие стихи, простые, изящные и шутливые, очаровывали эмоциональностью, интеллектом и прозрачным трезвым взглядом на жизнь. Каким-то образом ему негласно присвоили звание первого поэта Рима, что не умаляло достоинства других молодых или официально признанных в Риме поэтов. Он настолько не был похож ни на кого, что соперников не было. Он был один.

...В этот день Клодия собиралась особенно тщательно. Не ожидалось ни приемов, ни праздников, но с самого утра она отчего-то вызвала парикмахера, лучшего в Риме мастера, услуги которого она предпочитала остальным. Она долго обсуждала с ним прическу, затем позвала массажистку, рабыню из Сирии, молчаливую темнокожую девушку с маленькими, крепкими, не знающими усталости руками. Предупредила, чтоб массаж был сделан особенно тщательно. И на этот раз, без особых причин, она использовала вместе с обычными ароматическими маслами, редкий состав, называемый «эликсиром любви», масло, которое при взаимодействии с кожей создавало неуловимый аромат то ли ветра, то ли моря, а может, даже звездного неба, если бы у неба был

запах....

Закончив с растираниями, она некоторое время походила по комнате своей роскошной виллы, комфортной, сверхсовременной, величественной, и вместе с тем простой на первый взгляд. Она впитывала в себя всем телом нежный ветер, сквозняками льющийся из цветущего сада. И странное предчувствие чего-то нового, наполняло ее радостью и тревогой.

Сегодня она выбрала самый шокирующий наряд из узорных полупрозрачных сирийских тканей, который не столько одевал, сколько оведал ее стройное цветущее тело, сияющее здоровьем и силой. Она провела несколько линий вдоль век, подчеркнула глаза и брови специальным египетским составом, и больше ничего не стала добавлять. Сандалии она выбрала самые легкие и самые скромные, отделанные узкими узорными лентами. Обулась. Выпив маленькую чашку особого напитка, придающего бодрость, она ограничила этим свой завтрак, и приказала слугам готовиться к выходу. Здесь взгляд Клодии скользнул на хрустальный шар, она взгляделась в него, и там будто бы пробежало что-то внутри – тень или ветер, вспыхнуло, зажглось звездами, завибрировало и растаяло. Впрочем, это могло быть просто ее отражение. Она не стала особенно задумываться над этой игрой света, взяла этот прохладный шар в ладони, и вышла из своей комнаты.

В этом сезоне появилась новая деталь в дамской моде Рима – шар из горного хрусталя, который, как верили сами да-

мы, особенно хорошо охлаждает руки и душу. Этот шар был доставлен Клодии всего несколько дней назад, но она сразу почувствовала особое поле, окружавшее его. От лектики она отказалась, и хотя это было не в обычае знатных дам, решила на этот раз совершить прогулку пешком.

Вот так, в сопровождении своей обычной свиты, держа в руках хрустальный шар, в вызывающе полупрозрачных одеждах, подчеркивающих ее ослепительное тело, она вышла за ворота виллы, где уже собралась толпа зевак и поклонников, ожидавшая ее выхода, как особенного события. Что было, впрочем, привычным.

Клодия шла по Святой Дороге, Via Sacra, главной улице Рима, сегодня у нее не было никакой особенной цели, но, словно невидимая яркая нить странной силы вела ее, и это было приятно и захватывающе.

Сопровождающая ее толпа гудела о чем-то, одобрительно и восхищенно. Голоса размывались в воздухе. Возможно, все дело было в утреннем напитке, когда Клодия внезапно остановилась и подошла к невзрачному молодому человеку, почти застывшему на ее пути и странно, по-домашнему глядящему на нее. Между ними был хрустальный шар, который стал вдруг почти горячим. Странная сила остановилась. Возникло почти осязаемое поле между Клодией и этим мальчиком, словно бы вечность ждущего ее здесь. Ситуация была почти комичная: она, патрицианка, уверенная в себе и знающая толк в любви, вдруг смутилась перед этим мальчиком,

ей захотелось укрыться, спрятаться от его спокойных глаз, да он словно бы и не смотрел на нее, почти не смотрел, и ей сделалось необходимым поговорить с ним.

– Тебе нравится мой шар?

Он смотрел на нее:

– Мне нравишься ты.

Она вложила шар в его руку.

– Подарок.

Он подержал шар в руках, закрыл глаза, открыл.

– Ты хочешь поговорить?

– Да, – просто сказала Клодия, – пойдем со мной. Я хочу поговорить. Тебя зовут...

– Катулл. Гай Валерий Катулл.

Клодия улыбнулась. Катулл. Щенок. Кутенок... Забавно.

– Капитолийская волчица? Ромул, Рем и Катулл?

– Может быть.

Они уже шли к дому Клодии, толпа постепенно редела, и когда они вошли за черную литую ограду особняка, их сопровождали уже одни слуги. Она отпустила слуг, распорядилась никого не принимать, провела Гая Валерия Катулла в свою особую комнату, в дальнем крыле виллы, с потайной дверцей, ведущей в сад и особым, скрытым в саду же выходом.

Это была строгая квадратная комната для отдыха и размышлений с небольшим прямоугольным окном, в которой

и не было почти ничего, кроме столика, невысокого кресла и скромного ложа, на котором иногда отдыхала Клодия.

– Устраивайся. Здесь не очень уютно?

– Уютно везде, где ты, – ответил мальчик.

Его искренность или любезность казались чудовищными.

– Что-нибудь прохладительное?

– Как хочешь сама.

– Тогда немного вина. Ты вино пьешь? Разбавляешь?

Он улыбнулся.

– Я не разбавляю, думаю, это все портит.

– И я, – рассмеялась Клодия.

И от этого смеха, серебристого, легкого, щекочущего, словно разлетелось множество колокольчиков и стало легко и свободно. Ушла даже и тень скованности.

Она поставила на столик бокалы, принесла темную запотевшую бутылку, высыпала на белоснежную пузырчатую тарелку горсть орешков.

– Угощайся. А вино разливать придется тебе, не так ли?

– Да, госпожа.

И он уже держал в своих далеко не аристократических руках темное стекло, и вино уже лилось в бокалы безупречной линией, и она уже поднимала свой бокал:

– За встречу!

Что-то было здесь еще. Что-то совсем новое, о чем просто не хотелось думать...

– Ты не представилась.

Клодия помрачнела. Встала, вышла из-за стола. Подошла к окну. Все верно. Случайная встреча, простое любопытство. Теперь она вынуждена отвечать на вопросы, рассказывать о себе, о своей жизни. Кроме того, достаточно, в общем, одного имени, чтобы он мог всегда узнавать о ней... да. А с другой стороны, зачем ей помнить сейчас кто она, что происходило вчера? Прошлого – нет. Настоящее...

В комнату влетела ее птичка. Закружилась. Клодия подошла к небольшому, скрытому в стене шкафчику, взяла оттуда горсть зерен, протянула ладонь. Птичка, снижаясь и поднимаясь, клевала золотистые крупинки. Сквозь просветы задрапированного окна в золотом луче солнца вибрировала жизнь.

Клодия вернулась к столику, села на прежнее место. Напротив нее расположился мальчик. И все также спокойно смотрел на нее.

– Не знаю, сможешь ли ты это принять, – сказала Клодия, – может, сегодня у меня не будет имени?

– Я бы хотел тебя все же как-то называть.

– Называй.

– Ипсифилла. Та, кто любит себя. Хорошо?

– Не обижайся.

– Ты хотела поговорить.

– Но точно не о том, кто я.

– Может, ты хотела поговорить о том, кто я?

– Я хотела поговорить. Мне казалось, это важно.

– Я понял. Все, что ты могла бы рассказать о себе, это – не ты?

– Наверное. Да. Точно..

Он посмотрел на хрустальный шар, лежащий на столе.

– Подарок?

– Да.

– Тогда пусть его место будет здесь, в твоём доме. Я так хочу.

Он поднялся:

– На самом деле, мне бы очень хотелось тебя поцеловать. Мне бы хотелось целовать тебя. Долго. Много. Всегда. Поэтому я пойду. Проводи меня.

Она встала. Он был прав. Разговор был невозможен.

У них не было языка, на котором можно было говорить о самом важном, большем, чем все слова...

Она взглянула ему в лицо, его выразительные, почти пухлые губы, были точно созданы для поцелуя. Он улыбнулся, обнажив в улыбке белоснежные мелкие неправильные зубы. При всей неправильности черт, он был прекрасен. От него шло невероятное тепло. Хотелось к нему в руки. На грудь.

Он взял её руку и поцеловал. Другую.

Она вспомнила об этом странном луче, который привел её к нему, и вдруг доверилась этой силе.

Ей стало легко и свободно.

Она обняла его, и мир закружился.

Глава 3. Воробей

Катулл шел по ночной улице. Его немного знобило. Не раз сбившись, плохо представляя, куда лучше идти, он все же относительно быстро вернулся домой. Забрался в постель. Несмотря на усталость, ему не спалось, он все еще был со своей незнакомкой.

Он вспомнил, как в полдень внезапно оставил общество друзей-поэтов. Торопливо попрощался, словно и вправду куда-то опаздывал, и зачем-то пошел к Священной Дороге, словно его там кто-то ждал.

Он вспоминал, как остановился посреди дороги и как потом увидел ее, стоящую напротив. И этот шар в ее руках.

Ему тогда стало так тепло на душе, словно бы он пришел домой.

И еще этот ее взгляд, напоминающий о чем-то, вопрошающий, как будто бы он должен был сказать ей что-то важное... Самое Главное...

Он даже не знал, кто она. И уже не хотел знать. Достаточно было ее присутствия.

Он совершенно не запомнил путь, по которому они шли, не заметил особенностей здания или обстановки. Все, что он видел – это птица, луч и она.

Еще он помнил, что им было хорошо. Невероятно.

Еще он помнил, как она проводила его, как увернулась

от его губ.

Как ему не хотелось ни о чем просить ее.

Как он молча прошел через сад и вышел на улицу.

Вряд ли он стал бы искать ее дом.

Вряд ли ему захотелось бы делать это против ее воли.

Ему даже не хотелось знать, встретятся ли они еще.

Но он знал точно, чувствовал всем своим существом, что все будет так, как они захотят.

И еще он думал, что все, что они пережили, это и есть любовь, и доверял этому. Эта сила сама найдет все, что сочтет нужным.

...Он проснулся утром бодрый, полный сил. Чувство тепла никуда не ушло. Он вспомнил вчерашнюю встречу. И знал уже точно, что не станет тревожить покой женщины, которая стала ему дороже всех.

...Прошло несколько недель.

Отец торопил в письмах, убеждал его поспешить с устройством на службу, ссылаясь на достаточную уже известность в Риме, на связи молодого Катулла, на собственные связи отца, влиятельного гражданина Вероны, известного также и в Риме, а не только в Цизальпинской Галлии. Отец писал, что пора бы уже его Валерию стать взрослым.

Выбор был небольшой.

Служить в свите претора или, о чем отец ясно намекал

в письмах, у проконсула Цизальпинской Галлии и консула Рима Квинта Цецилия Метелла Целера, что считал оптимальным. И изучать юризм у него же.

Катулл через знакомых послал прошение о встрече, и секретарь Целера сообщил ему место и время. Консул назначил визит в своем особняке...

Катулл вошел за темную ограду, прошел сквозь парк, вошел в шикарный особняк консула и доложил о своем приходе секретарю.

Целер, большой добродушный мужчина с особым чувством юмора, хорошо принял его, бегло просмотрел рекомендации, рассказал о новой должности, о сложностях и перспективах, об оплате, довольно неплохой, и после получасовой беседы, Катулл покинул его приемную.

У самого выхода он столкнулся лицом к лицу с той, о ком ни на минуту не забывал.

Она поздоровалась с ним. Резко повернулась и прошла вместе с ним за дверь.

– Люди – свиньи, – сказала она ему, – и так и нужно с ними поступать.

И резко же, не попрощавшись, вернулась в дом.

Поздним вечером этого же дня в таверне, куда он зашел посидеть и немного выпить, он услышал, что у жены Метелла Целера Клодии умерла любимая ручная птичка...

Глава 4. Интерлюдия

...Предок Клодии Аппий Клавдий Слепой, рожденный в 343 г. до Р.Х., цензор и дважды консул, один из основателей римской юриспруденции и литературы, в своей политической деятельности опиравшийся на народ, считая, что «сенат не имеет значения»; создавший акведуки, первый римский водопровод, знаменитую Аппиеву дорогу, что и поныне одна из лучших дорог в мире, писал в своей первой, изданной в Риме книге «СБОРНИК ЦИТАТ И АФОРИЗМОВ»:

«Человек сам кузнец своего счастья».

Вероятно, он меньше всего предполагал, что через несколько столетий его прекрасная пра-пра-правнучка и гениальный молодой поэт перевернут этот афоризм, перевернут, но не забудут.

И вот, этот пылкий юноша, Катулл, встречает Клодию и влюбляется в нее. Более неосмотрительным нельзя было быть. Он, чья душа пылала огнем поэзии, чьи идеалы были просты и неизменны, чье кредо было – ЛЮБОВЬ И ВЕРНОСТЬ нашел себе более, чем неподходящий, на первый взгляд, объект для своих чувств.

Кроме того, он был не то, чтобы совсем беден, семья еще поддерживала его, но все-таки он был небогат, НЕРИМЛЯНИН, а значит – ПЛЕБЕЙ, и совсем некрасив, и даже СВЕТОГЛАЗ, волосы имел серые, пепельно-русые, что противо-

речило эстетике Рима, и у него был не лучший рост, да и вообще, друзья называли его ОБЕЗЬЯНОЙ. Кого-то напоминает, не правда ли? Нашего Пушкина. Его друзья порой тоже так называли. Однако их сходство не только внешнее, ведь недаром же Катулла называют «римским Пушкиным».

Катулл снимал квартиру в инсуле, арендном доме, пользуясь услугами своего верного единственного слуги, и вообще, кто он был такой, этот Катулл? ПОЭТ? НИКТО.

И вот этот веронец вдруг находит успех у Клодии.

Их видят всюду вместе, Катулл сочиняет чувствительные стишки ПРО ПТИЧКУ, которые тут же разлетаются по Риму.

Их пишет полуграмотный плебс на стенах домов, поют в кабаках, читают и переписывают знатные нобили, патрицианки, даже уважаемые матроны.

Катулла и Клодию видят в театре, на ипподроме, в городе. Невероятно – они даже не выглядят как любовники.

Они РАЗГОВАРИВАЮТ.

Еще удивительнее, Клодия больше совершенно не интересуется красивыми римскими мальчиками.

Клодия ведет себя как природная девственница, она вдруг становится СКРОМНОЙ.

Она даже меняет одежду на более скучную и больше не устраивает свои шоу.

Даже муж, сенатор и консул Рима, замечает невозможную перемену. Он начинает РЕВНОВАТЬ К КАТУЛЛУ. Он

впадает в ярость при виде этой скромнейшей парочки. Он запрещает ей видеться с Катуллом, он устраивает Клодии нелепые сцены ревности.

Рим НЕ ПОНИМАЕТ.

Но при этом Рим восхищается стихами Катулла, и его знаменитые стихи ПРО ВОРОБЬЯ, с момента их написания, не один уже век украшают римские стены.

Глава 5. Лодка

Уже несколько часов Катулл греб без усталости. Лодка, которую он взял в аренду на день у старого лодочника, была довольно тяжела и неуклюжа. Грести было нелегко. Но он не чувствовал усталости. Он уплывал прочь от Рима.

Вода, небо, крик речных чаек и больше – ничего. Не хотелось ни думать, ни чувствовать. Да, в общем, и не было ни мыслей, ни чувств. Опустошенность и горечь.

День был жаркий, ветер мало освежал. Катулл скинул тогу, поставил тело свету. Он плакал, слезы текли по его щекам, но он ничего не ощущал. Просто греб. Наконец, причалил к пустынному берегу острова, вышел из лодки.

Растянулся на нагретых гладких камнях берега. Солнце пекло спину, в голове звенела пустота. Потом он встал, ему необходимо было искупаться, смыть с себя эту тяжесть. Он долго плавал, нырял, почти до озноба. Потом лежал, глядя в небо, нагой, свободный. Все дурное ушло, словно река унесла с собой. Что, собственно, произошло? Как он мог позволить себе так забыть себя?

Он словно рождался заново. Заново воспринимал солнце, лучи, тепло, свет.... Бездонное лазурное атласное нежное небо... легкие облака... ласковый ветер... звон цикад... пение птиц... мягкий шелест листвы...

Это есть. Все это опять разговаривает с ним – он вернул-

ся в свой сияющий мир. Он снова свободен. Силен. Молод. Он снова чувствует ритм жизни, вибрацию звука. Он снова обрел способность быть.

Разве это все само по себе не является величайшим подарком, сокровенной тайной? Разве так уж мало – просто – жить? Разве можно терять эту связь с жизнью? Из-за чего? Из-за какой-то женщины? Ее стоило бы просто пожалеть. Так не верить себе, не верить жизни, не верить ничему... Кто ее мог так изломать? Что так искалечило?

Он не должен больше быть таким глупым, так поддаваться настроению. Он мужчина. Жизнь всегда наполняет его кровь. Он всегда чувствует эту мощь, эту связь с небом, с землей. У него есть мужество доверять жизни. Быть благодарным. И никакая женщина в мире не лишит этого.

Он возвращался обратно спокойный и умиротворенный.

Небо уже розовело на западе, волны стали тише.

Заплатил, вернул лодочнику лодку. Лодку, которая стала ему домом на этот день, к которой он испытывал такую теплую благодарность, словно лодка была живой.

Они сидели на берегу с лодочником. И старый перевозчик голосом, похожим на треснувшее дерево, рассказывал ему историю невероятных путешествий этой старой шхуны, повидавшей немало на своем веку, а теперь мирно отдыхающей на песчаном берегу Тибра.

Костер отбрасывал бронзовые отблески на лица, и наверху, в бархатной, глубокой, почти черной синеве неба легко

мерцало созвездие Близнецов, Кастора и Поллукса.

По очереди они пили терпкое деревенское вино из оплетенной соломой фляги, речь старика лилась неспешно и умиротворенно.

И Катулл снова чувствовал эти колкие пузырьки жизни в крови, пульсирующую радость.

И что может быть сильнее этой сладостной жизни?

Dolche vitae!

Победить жизнь – невозможно. Он уже знал, кто выиграет эту игру. Жизнь.

Глава 6. Встреча

– И где это вы, господин, пропадали до ночи? – ворчал старый слуга, подавая ужин. – Ушли чуть свет, бледный как покойник, я уж не знал, что и думать...

– Ты бы, Тит, поменьше ворчал.

– Я отцу вашему обещал глаз не спускать с вас, заботиться как о сыне. Вы бы в другой раз говорили, куда уходите, надолго ли... Город, всякое может случиться.

– Да ладно тебе. Докладывать буду, успокойся, старый.

– Все бы вам смеяться, господин. А я ведь тоже человек.

– Тит, знаешь, хоть и не Сатурналии нынче, а неси-ка ты наше веронское, да выпьем с тобой, ты как?

– А и правильно, господин, наше-то веронское лучше. И песни петь будем?

– Вот, Тит, а песни ты будешь петь сам. Я подпою разве.

...Служба у Метелла была необременительная. Кое-что из дел переписать набело, кое-что исправить, выполнить небольшие поручения.... Оставалось уйма времени на посещение друзей, таблина, время для занятий с книгами, на стихи.

Катулл с большим интересом продолжал читать Каллимаха на греческом, изучать грамматику и поэтику александрийской школы, принципы стихосложения. Особенно при-

влекал его александрийский одиннадцатисложник. Свои холиямбы он писал именно им.

С Клодией они почти не встречались в доме Метелла. Катулл избегал ее.

Как-то Метелл представил их друг другу. Клодия едко спросила, не влюбился ли супруг в молодого секретаря?

Метелл добродушно рассмеялся.

И вдруг Клодия сама подошла к Катуллу:

– Слышала, ты – поэт?

– Только в свободное от службы время.

– И о чем ты пишешь?

– В основном о птицах.

Клодия помрачнела:

– Так это твои стихи на всех стенах Рима?

– Госпоже лучше знать. Мне нужно идти.

– Сегодня я буду ждать тебя. Целер уезжает. Мы будем одни.

И она поцеловала его в губы.

– Вечером, как стемнеет. Я буду ждать.

Катулла затрясло. Тело сделалось ватным. В глазах потемнело. Да как она смеет!

Но вечером он застал себя идущим, с бешено колотящимся сердцем, к дому Клодии.

Его проводила в покои молчаливая темнокожая девушка.

Клодия принимала у себя, на своей половине. Горели свечи, масляные лампы отбрасывали трепетные тени на стол, с живописно перемешанными фруктами и цветами. Ужин подавала сама Клодия, которая была невероятно хороша в этот летний вечер.

Она смеялась как маленькая девочка, кормила Катулла вишнями из рук, целовала в губы, забавлялась, шалила и веселилась. Она была божественна! Ее прекрасные синие глаза людей севера излучали сияние, волосы, цвета меда, сияли золотом, словно тонкие золотые нити света, щеки нежным румянцем вызывали желание прикоснуться!

От нее исходила такая радость, такая нега, такое тепло! В любви она была так естественна, так проста, так искусна, так невинна!

Катулл потерялся. Он смеялся, плакал, неистовствовал, становился послушным и нежным как ребенок...

– Мы будем вместе всегда с тобой, Клаудилла, ты и я. Ты еще будешь счастлива, ты не пожалеешь ни о чем, ни о чем, детка, ни о чем... Мы всегда, ты увидишь, всегда будем вместе, даже если перевернется мир, даже если наши жизни закончатся... Мы всегда были вместе, детка, ты потом вспомнишь, ты вспомнишь... просто тебе нужно научиться верить, детка, вспомнить себя...

– Я знаю, знаю, любимый, знаю, mea amores... amabitur nulle... Поцелуй еще...

Глава 7. Флавий

Катулл еще спал, когда Флавий вбежал в комнату.

– Все знаю, все! От друзей не скроешь! – кричал сосед Катулла по этажу Флавий, – С кем ты связался! Да весь Рим ходуном ходит. Клодия! Тебе что, девчонок в городе мало, рабынь и вольноотпущенниц?

Катулл открыл глаза. Флавий тряс его за плечи.

– Тит! – закричал Катулл, – Тит!

Никто не отозвался.

– На рынок ушел твой Тит.

– Ты, Флавий, в своем уме? Подожди, дождешься у меня. Ямбов моих не пробовал? Ты за собой лучше смотри, а не слухи по площадям собирай. И никаких сплетен! Понял? А теперь неси мне одеться, вон там, не голым же ходить тут. И сбегай в лавку. Купи вина и сыра, да еще устриц. И хороших. Будем праздновать. И не забудь мне рассказать о своей девчонке, думаю, на этот раз ты отделаешься всего лишь ямбами. И побыстрее! Если хочешь стать другом Катулла.

Флавий... Сосед Катулла по этажу. Красивый молодой римлянин с глазами оленя под длинными ресницами.

Которую ночь Катулл не мог спокойно спать из-за любовного шума за стеной Флавия.

Он даже несколько раз специально заходил под незначительным предлогом к Флавию, но у Флавия не было днем никого.

Однако в следующее ночь все повторялось.

И вот это стыдливый парнишка имеет дерзость с утра вломиться к Катулле с площадными обвинениями, что не с той, видите ли девушкой Катулл имеет отношения. Славно!

Видимо, он искренне считает, что можно все, если только анонимно и скрытно. Грязная интрижка, запретная любовь – это пожалуйста. Но Чувства – это не для римлян, это само по себе непристойно. Такова их логика.

Ну, так вот и стихотворение «К Флавию». И для Флавия, и для Катулла, и для любых других – на выбор. Пусть выбирают.

А свой выбор Катулл уже сделал.

Глава 8. Ночной Рим

...Обжорство и сладострастие мало кого удивляли в Риме.

Каждую ночь в город поставлялись новые обозы с продовольствием и рабами из покоренных провинций, чтобы утром выставить на рыночных прилавках и специальных торговых площадках для продажи.

И кого интересовало, что эти рабы – такие же люди с такими же чувствами, думающие и страдающие?

Очень быстро их обучали и приспособливали к новой жизни в Городе, заставляли забыть свое прошлое, свою речь, воспитание, честь и достоинство, самих себя, в сущности.

Рабы были нужны не только для домашних или общественных работ, рабы были нужны еще и для интимных нужд римлян.

Даже патрицианки имели связи с рабами, а их мужья на это смотрели сквозь пальцы, ведь и сами баловались с хорошенькими рабынями. И это не рассматривалось даже как неверность – ну о какой неверности можно говорить по отношению к вещам?

А именно вещами были рабы и по своему юридическому положению и по отношению к ним.

Рим пользовался человеческими телами для утоления своей животной природы, но при этом с презрением отвергал любые человеческие чувства.

Это также выражалось и в речи – грязные слова для грязных отношений. Ничего личного.

Любовь? Влюбленность? Об этом порядочные люди не говорят в Риме. Это стыдно. Это недостойно граждан Рима.

Однако же, обставлять свои «отношения», которые точнее было бы назвать «сношениями», они любили. Красивый интерьер, красивые вещи, все что угодно, но лишь бы было «красиво» и – скрытно.

Нет, Катулл никогда бы не согласился с таким отношением к самому для него интимному и святому – к близости, к любви.

И, когда он писал это, в общем-то достаточно добродушное стихотворение к Флавию, на самом деле в тот момент он четко обозначил свою позицию по отношению к частной личной жизни – ничего не скрывать, быть открытым в отношениях, какими бы они ни были, и возносить свою любовь к Небу, а не к преисподней ночи.

Все – искренне, открыто, все – публично и более того – все – потому что все божественно – открывать Небу, возвышая и воспевая в стихах.

Эта бытовая история послужила для Катулла к осознанию и манифестированию своего кредо любви, отношений.

И прав он был или не прав, таким образом у него появилась своя линия, собственный стиль по отношению к личной жизни, который мог шокировать, и в общем-то шокировал большинство, приученное прятать такие вещи, привыч-

но скрываясь под покровом тьмы и молчания.

...Нам сейчас трудно представить, что на самом деле чувствовали граждане Рима, когда каждую ночь в город поставлялись новые и новые обозы с продовольствием и рабами из покоренных стран.

Новая энергия, новые силы, новая еда, новые тела, становящиеся вещами в Городе, и по умолчанию, вещами для удовлетворения сластолюбия.

Это другой опыт и достаточно жесткий соблазн для большинства.

Но – исторический фон жизни времен Катулла.

В этом стихотворении Катулл довольно четко обозначает свое кредо в отношении «отношений».

Важно, чтобы отношения были не только открытыми, но и поднимались до уровня божественного неба, были не только романтическими, но и поэтичными. Потому что и любовь, и поэзия – божественны.

Если учесть тот общий фон – на котором возникло это кредо Катулла – а фон этот – римское общество, буквально купающееся в разврате, но при этом «цивилизованно», хотя и дегенеративно, придерживающееся «хорошего тона» замалчиванием своих действий, то надо все-таки отдать должное мужеству поэта.

Так что, это стихотворение, являясь выражением нового личного кредо Катулла, очень ясно объясняет странную от-

кровенность всех последующих стихотворений книги Катулла Веронского.

Кредо – открытость, искренность и откровенность.

Или – откровенность, возносящая к небу; или – подвальныйная темная возня, о которой и говорить стыдно.

Кстати, Катулл никогда не называет себя «римским», и вообще избегает использовать слово «Рим», ограничиваясь «городом» и даже не с большой буквы.

Катулл – он – Веронский. Из Вероны, города, который когда-то в другое время станет городом Ромео и Джульетты.

И вряд ли здесь простая случайность.

Глава 9. Пустыня

59 год до Рождества Христова. Год консульства Юлия Цезаря и Марка Бибула.

...Катулл проснулся оттого, что кто-то смотрел ему прямо в глаза.

Чувство было странное и почти неприятное. Как будто через глаза и в мозг вливали зеленоватый свет и что-то вытягивали этим же светом, или то и другое одновременно.

Он взглянул пристальней и увидел, что огромная звезда рядом с его лицом стала медленно, словно потревоженная его взглядом, отходить вдаль, и остановилась вдалеке на краю неба, слившись с другими звездами.

Странно. О таком он даже не слышал. И вряд ли это принилось. Вesper.

Когда он потерял ощущение реальности? Теперь, после охлаждения Клодии, для него имело значение только одно – Имя Того, Кто все это создал, сама возможность обращаться к Тому, Кто – просто обращаться...

Он видел бесконечную игру форм и событий, и ясно понимал, как это временно, преходяще.

Он чувствовал дыхание вечности, и в этом бесстрастном дыхании все превращалось в пыль, в прах. Все, кроме имени Того, Кто всегда скрыт за этим миром форм. Но и имя ему было недоступно. Просто – Тот, Кто...

В этом изменчивом мире, который был ему открыт как жизнь, ничто в действительности не имело значения. Ничто.

Но он чувствовал, что его любовь – невидимая, прозрачная, бесплотная, великая – его любовь имеет огромное значение. Он чувствовал ее бессмертие.

Имела значение жизнь, любовь и дружба, красота, поэзия, его стихи, его труд.

Кто знает, что за судьба ждет его рукописи?

Что будет с ними завтра?

Не сгорят ли они в каком-нибудь пожаре?

Но его стихи – имеют ту же природу вечности, как и его чувство. Он чувствовал это бессмертие.

И затерянный в августовской ночи – ничтожная пылинка на огромной планете – такой же ничтожной пылинкой затерянной в мироздании, Катулл ощутил такую бесценную важность самых обычных вещей. Жизнь. Любовь.

Если все это не имеет значения, то имеет значение все.

Утро серебристым светом входило в его комнату.

Открытое окно казалось всего лишь частью какой-то космической декорации.

За маленьким удобным столом Катулл писал новое стихотворение. В нем он называл Клодию Лесбией, он дал ей одно из имен Сапфо, самой великой поэтессы в мире. Клодию, которая так не любит свое имя, он назвал бессмертным именем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.